

УДК 81.282.2

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЧАСТУШКА: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2013 г.

*Л.А. Климкова*Арзамасский филиал Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

dialect_arz@mail.ru

Поступила в редакцию 13.12.2013

Рассматриваются частушки, функционирующие в Нижегородском Окско-Волжско-Сурском междуречье, с точки зрения их лексических особенностей. Внимание сосредоточено, в частности, на единицах, имеющих историко-культурную значимость, ушедших на периферию лексической системы языка.

Ключевые слова: частушка, историзмы, деминутивы, коннотативность, социо- и этнокультурная семантика, диалектный лексический пласт.

Русские частушки как особый жанр песенного фольклора – короткие, главным образом четырехстрочные произведения, поставленные П.А. Флоренским «в ряд шедевров мировой поэзии малых форм» [1, с. 28], имеют вполне обозримый временной диапазон своего существования. Появились они в 50-60-е годы XIX века (правда, есть точки зрения о более раннем времени их возникновения), по мнению многих исследователей, – в Центральной России [см.: 2, с. 100; ср., однако: 1, с. 26], окончательно как жанр сформировались в последней трети XIX века, пережили свой расцвет в первой половине и середине XX века, перейдя, можно сказать, на стадию угасания функционирования в конце XX – начале XXI века [5, с. 86–87; 6, 36].

С самого начала формирования и во все время существования частушки были связаны с сельской жизнью, являясь одним из ее непременных атрибутов. Создавались и функционировали они прежде всего в молодежной среде, поэтому доминирующее положение занимают любовные (любовно-бытовые) частушки, отражающие чувства юношей и девушек в ситуациях влюбленности, расставания, разлуки, измены, состояние страдания от измены, тоски от неразделенной или пока не состоявшейся любви, состояние разочарования, тревоги или, напротив, радости, надежды. Они передают переживания молодых людей в условиях (на фоне) сельской жизни, которые фиксируются языковыми средствами, прежде всего лексикой как уровнем языка, имеющим непосредственную социальную обращенность.

В данной статье для анализа используются частушки, записанные в последние два десяти-

летия студентами АГПИ им. А.П. Гайдара во время диалектологической практики в населенных пунктах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья, в частности Ардатовского, Арзамасского, Вадского, Дивеевского, Выксунского и некоторых других районов. При этом информантами были женщины старшего поколения, которые исполняли приводимые частушки во времена своей молодости и сохранили их в своей памяти в диалектной огласовке слов и форм, с проявлением диалектных фонетических и грамматических черт [см.: 5, с. 78–87], а также специфики лексического состава.

В обрисовке элементов ситуации задействованы общерусские, региональные (и диалектные) лексемы, характеризующие быт народа в прошлом, имеющие этнокультурный компонент семантики, в которых подчеркнута этнокультурная семантическая составляющая.

Лексика, реализованная в текстовой ткани частушек, представлена рядом тематических групп.

Так, фон сельской жизни передается прежде всего предметной лексикой быта, хозяйственной жизни: *лапти, самовар, печь, печка* (русская), *шесток* «площадка между устьем и топкой русской печи», *сани, телега, дуга, овин* «строение для сушки снопов перед молотью», *жёрка* «жернова на мельнице», *колода* «корыто, представляющее собой обрубок дерева с выдолбленной серединой» [ср.: 3, II] или «сколоченное из толстых досок корыто, из которого поят скот». Чкал. Саратов. Свердлов. Заурал. [4, вып. 14, с. 153], *мэсиво* «корм для скота или птицы из смеси муки, мякины, отрубей и т.п.» [3, II], «мякина, смоченная водой для кормления

скота». Новг., «сено, залитое бардой для кормления скота». Перм. [4, вып. 18, с. 125], *поперечник* «чересседельник». Казан. Симб. Ульянов. Пенз. Саратов. Ставроп. Тамб. Курск. Орл. Моск. Влад. Горьк. Вят. Перм. Р. Урал. Уральск. Чкал. Том. Башк. АССР. [4, вып. 29, с. 309], *опорки* «лапти без обор». Урал., «истоптанные лапти». Волог. [4, вып. 23, с. 280], ср.: разг. «старые, изношенные сапоги со споротыми голенищами», «вообще старая изношенная и рваная обувь» [3, II], а также: *лохань*, *сноп(ы)*, *зыбка*, *зады*, *перерубы*, *матка*, *порядок*, *лейтенанты* «хлеб из тертого картофеля», то же – *смоленски* и др. См.:

Мы с товарищем роботали На северных путях. Ничего не заработали – Приехали в <i>лаптях</i> .	Моя милка маненька: Чуть повыше валенка. В <i>лапотки</i> обуется, Как пузырь надуется.
У меня милёнок был, Звали его Стёпою. Он в галошах – я в <i>лаптях</i> Так за ним и шлёпаю.	Пляши, Матвей, Не жалея <i>лаптей</i> , До субботы доживём, <i>Лапти</i> новы наживём.
Проводила Коленьку В поле за часовенку, Проводила за <i>овин</i> : «Поди, Коленька, один».	Мой мил, мой мил Провалился в <i>овин</i> . Я поохала, поохала, Полезла за ним.
Я во нонешной ночи Заплуталась на <i>печи</i> : Солнце всходит на восток, А я попала на <i>шесток</i> .	Я цыганочку свою Работать не заставлю. Сам я <i>печку</i> затоплю И <i>самовар</i> поставлю.
У колодца сыро-сыро, Постелю я <i>поскони</i> . Меня милый изменил – Слава тее, үосподи.	Пойду плясать, Дома нечего кусать: Сухари да корки, На ногах <i>опорки</i> .
Меня милый изменил – Я в <i>лохани</i> утоплюсь, Не в <i>лохани</i> , так в чулане Из <i>ухвата</i> застрелюсь.	А я в нонешнем году Мамке сделаю беду: Или <i>зыбочку</i> повешу, Или зятя приведу.
Поголок у нас широкай, <i>Маточка</i> не уже. У нас Ванечка хорошай, А Танечка не хуже.	Я свою соперницу Отвезу на мельницу, Суну в <i>жерку</i> с головой – Не гуляй наперебой.
Пойду плясать Да ногой притопну. Неужели в этом доме <i>Перерубы</i> лопнут?	Под ельничком, Под березничком Мужик бабу отходил <i>Поперешничком</i> .
Вот спасибо тее, Вова, Ты играешь весело. Тее, Вова, за игру Три <i>колоды месива</i> .	Лейтенант, лейтенант, Хромовы сапожки. А еще ешь <i>лейтенанты</i> Из одной картошки.
По <i>порядку</i> я иду, <i>Порядочку</i> зелёному. Подруга, я уверена, Любовь моя потеряна.	Ой, подружка дорогая, Вспомни, как дружились, С одного <i>порядочка</i> Любить уговорились.

Издалёка вижу я:
Полоска сжатая моя,
Уккуратные *снопочки*
Вяжет милочка моя.

Люблю *сани* с подрезами,
А коня – за быстроту.
Люблю милку за характер,
А еще за красоту.

К середине XX века под влиянием социальных и политических факторов значительно изменился уклад сельской жизни, в конце XX – начале XXI века – состояние, положение самого села: исчезновение с лица земли одних, так называемых неперспективных, населенных пунктов, объединение, укрупнение других. В результате произошла трансформация диалектных микросистем. Одно из проявлений этой трансформации – изменение статуса некоторой части лексики, в том числе задействованной в частушках, в частности приведенных. Отмеченные и перечисленные выше слова утратили свою активность, перейдя в пассивный запас, на периферию лексической системы языка (диалектного, а тем самым и национального) или находясь на пути перехода в статус периферийных, – своеобразные историзмы.

Колоритной чертой частушек, прежде всего любовных, является повышенная эмоциональность, что объясняется их общей направленностью на выражение отношения поющей (поющего) к объекту своей привязанности, передачу драматизма ситуации измены, вмешательства в любовные отношения других лиц, их противодействия, а также состояния страдания от разлуки с любимым/любимой от легкомыслия, предательства. С этим связана концентрация, естественное нагнетание в частушечном тексте коннотативной лексики. При этом коннотация предстает и как содержательная (рациональная), и как эмоционально-экспрессивно-аксиологическая – отрицательная (чаще) или положительная. Ср.: *клохтáть* «ворчать, брюзжать». Вят. Волог. Том.; «охать, стонать». Южн. Перм. Нижегород. Влад. Яросл. Костром. Смол. Свердл., «унывать, падать духом». Ворон. [4, вып. 13, с. 302, 306]; *лабудá* «пустой, никчемный человек». Смол. Тул. Ряз. Моск. [4, вып. 16, с. 217]; *бóтать* «наносить удары, бить, колотить». Курск. Влад. [4, вып. 3, с. 131]; *жигáть* «стегать, бить, ударять». Курск Тул. Тамб. Пск. Перм. Колым. [4, вып. 9, с. 166]; *зыбáть* «трястись, дрожать, сотрясаться». Костром. Яросл. [4, вып. 12, с. 28]; *нетужилка* «беспечный, беззаботный человек». Сев.-Двин. Свердл. [4, вып. 20, с. 180]; *бокотáть* «обидно выражаться». Влад. [4, вып. 3, с. 70]; *лю́тый* и *люто́й* «проворный, расторопный». Лю́тый. Яросл. Вят. Твер. Люто́й. Том. Енис. Саратов. Яросл.; «искусный». Лю́тый. Твер. Нижегород. Люто́й. Волог. [4, вып. 17, с. 249]; *норови́тый* «упрямый, с норо-

вом». Курск. Тамб. Зап.-Брян. Пск. Твер. [4, вып. 20, с. 282]; *вертучий* «непостоянный, легкомысленный». Новг., «о действиях и поступках легкомысленного, ветреного человека». Курск. [4, вып. 4, с. 156]; *трепач* «легкомысленный человек» и др. Например:

Когда девушкой была,
Плясался и пелосся,
А топерь *клохчу* на печке.
И куда сё делосся?

Ой, ты, Валя, выхой,
Кто смеётся – не гляй.
Кто смеётся – *лабудá*,
Хорошай парень – никогда.

Я свою соперницу
Где-нибудь *отботаю*.
Принудиловки дадут –
В колхозе отработаю.

Я плясала, *дрыганула*,
Мать поленом *жиганула*.
Я пошла *забокотала*:
«Ой, как здорово попало!»

А у милого кудёрушки
Виты, виты, виты,
А у милого глазеночки
Подмигивать *люты*.

По рядочку я иду,
Все дамочки *зыбают*.
Вот какого я люблю –
Товарочки завидуют.

Полнобила я его
Такого *норовитого*.
Его белая рубашка
Меня *примагнитила*.

Ты залёточка, залёточка,
Вертучие глаза.
На тея, моя залёточка,
Надеяться нельзя.

Моя милка – *нетужилка*,
Ничего не делает,
Только знает завлекает
Да измены делает.

Я залёточке своему
Сказала резонно:
«Я с такими *трепачами*
Гуляю сезонно».

Выстраиваются многочленные синонимические ряды, например: атаман, атаманка, ураган, боевая, боеватая, боевитая, бойкая, бойковатая, бой, отбойная «смелая, решительная, отчаянная, удалая».

Не ругайте вы меня,
А ругайте мамку:
Она меня родила,
Такую *атаманку*.

Говорят, я *боевая*,
Ну и правда – *атаман*:
У начальника милиции
Обрезала наган.

Говорят, я *боевая*.
Правды, *бойковатая*.
Вся порода *боевая* –
Я не виноватая.

Вон оттуда идёт туча –
Туча градобойная.
Не одна я *боевая* –
Вся артель *отбойная*.

Вон оттуда идет туча,
Туча грозобойная.
Никого на улице нет –
Токо я, *отбойная*.

Говорят, я *боевая*.
Ну, какой же это *бой*!
На году двоих отбили
У меня у *боевой*.

Говорят, я *боевая*,
А и правды *ураган*:
На горячей камень встану,
А залётку не отдам.

Говорят, я *боевая*,
Правды, *боеватая*.
Нонче все стали такея –
Я не виноватая.

Неоднократно отмечался такой факт, как обилие в частушках уменьшительно-ласкательных образований [см.: 5, с. 79], вписывающийся в собственно русский феномен.

Кроме приведенных примеров, см.:

Я любила, ты отбила,
Так люби *облюбочки*
И цолуй после меня
Цолованные *губочки*.

Ты, *соперенка* моя,
Люби теперь *облюбушки*.
И цолуй после меня
Цолованные *губушки*.

Ой ты, Валя дорогая,
Отбивалочкой не будь.
Ты же знаешь, дорогая,
Как терзает белу грудь.

Припевала я *припевочки*
За каменной стеной.
Ожидала я *залёточки*
Из армии домой.

Я, бывало, запевала,
Запевалочкой была.
А топерь *запевалочкой*
Товарочка моя.
Некрасивая коса –
Красива *переплёточка*.
Некрасива я сама –
Красивай мой залёточка.

У милого гармонь нова,
Тяжело ёму носить.
Куплю *саночки с веревочкой*,
Сама буду возить.
Голубзи глаза злзи,
Карие – лукавые.
У залетки *сереньки* –
Завсегда *веселеньки*.

Деушки, *голубушки*
Она тяжелая биват
и мн. др.

Не бойтеся *изменушки*.
Токо две *неделюшки*.

Активность употребления демиинутивов (имен, наречий) в частушечном дискурсе, думается, можно квалифицировать на уровне его закономерности. В этом плане особенно заметны наименования возлюбленного/возлюбленной: их отличает неоднородная коннотативность (2-ой и 3-ей степени) [см. об этом: 6, 32].

Одним из своеобразных способов выражения коннотативности является повтор, удвоение, иногда утроение однокоренных слов, а также их сочетание, в котором одно из слов (обычно второе) имеет приставку с усилительным значением и/или передвижку ударения.

Я свою соперницу
Стою-перестюю,
Стою выходкой своей,
Стою красотюю.

Что-то милый редко хóит,
Редко – *наредко* – *редко*.
Через *редки* те свиданья
Забывать ёво лёгко.

Я у мамочки одна,
Одна-напоединая,
А у милого свово
Самая любимая.

Бабы-суды, бабы-суды,
Бабы-*пересудочки*.
Осудили бабы нас
За коротки юбочки.

Используются повторы и сочетания слов с подчеркиванием ассоциативно-деривационных отношений, при этом производные слова являются часто контекстуальными неологизмами, окказионализмами.

Говорят, я *боевая*,
Так и надо *боевить*.
Я со многими гуляла –
Научили говорить.

Ты товарищ, мой товарищ,
Задушевная душа.
Отбивашь ты мою милку
Для какого барыша?

Сербиянка, сербиянка,
Всё бы *сербиянила*,
Всё бы бойкая ходила,
Всё бы хулиганила.

Сербияночку плясать
Надо много знания.
А без знания плясать –
Не будет *сербияния*.

Ой, спасибо тее, Ваня,
За *игру игручую*.
Прихой наутро есь
Картошку рассыпуючу.

Ой, *страдание, страдание*,
Страданье, страданец,
Когда молоденьку девчоночку
Поставют под венец.

Коля, Коля, *колистый*,
Какой ты *разговористый*,
Кабы ты был не родной,
Погуляла б я с тобой.

А мне милый *говорит*
Говоренья слова:
«С кем ты, милка, ни гуляшь,
Сё ровно буишь моя».

Вариант: Толя, Толя, толистый,
Какой ты разговористый, ... и т.д.

Характерна для частушек стилистически (в смысле принадлежности к функционально-речевому стилю) и компонентно окрашенная лексика – разговорная [см. 2, с. 105], просторечная, диалектная. Ср.: *припасти*. Разг. «заготовить на случай надобности или для определенной цели», *заядлый*. Разг. «страстно, с увлечением отдающийся какому-либо занятию; завзятый», *дивится*. Разг. «удивляться, поражаться» [3, I]; *хаять*. Прост. «неодобрительно отзываться о ком-, чем-либо, порочить кого-, что-либо», *артель*. Прост. «группа, небольшая толпа собравшихся вместе или идущих вместе людей», *жигануть*. Прост. «резко, сильно ударить кнутом, прутом» [3, I, III, IV]; *вторительный* «вторичный, повторный», «дополнительный». Арх. [4, вып. 5, с. 230], *голубить* «красить в голубой цвет». Перм. Свердл. [4, вып. 6, с. 338], *дробь бить* «плясать, отбивая ногами дробь». Арх. [4, вып. 8, с. 189], *важить* «иметь значение, значить». Тамб. Орл. Калуж. Влад. Куйбыш. Нижегород. Волог. Ленингр. Том. [4, вып. 4, с. 14] и мн. др.

Залеточка дорогой, У тия я не одна, А вторительна любовь, Она на сердце холодна.	Голубое одеяло Всю постелю <i>голубит</i> . Я не знаю, где залёточка: Гуляет или спит.
---	---

Голубзи мое глазки, Зачем вы <i>голубите</i> ? Вы не знате, голубзи, Кого крепко любите.	Подруженька, <i>дробь бей</i> , Чай, не хуже мы людей. Если хуже мы людей, Веселее <i>дробь бей</i> .
---	--

Мне, бывало, милай скажет: А теперь он говорит:	«Ничего любовь не <i>важит</i> ». «От любви грудь болит».
--	--

Диалектный лексический пласт в частушечном дискурсе представлен значительно. Он может (по)служить базой для сопоставительного анализа в плане динамики словарного состава,

степени актуальности/неактуальности его единиц, лексикографической фиксации и др.

Частушки, в частности любовные, функционирующие и в нижегородских говорах, как жанр пережившие переход «в культурное наследие» (Ф.М. Селиванов), являются источником изучения их лексической составляющей, в том числе социо- и этнокультурной направленности, а также – своеобразия диалектной языковой картины мира, языковой личности сельского жителя и в целом – русского человека.

Именно через лексику, прежде всего, достигается подчеркнутая, обнаженная антропоцентричность частушек.

Список литературы

1. Селиванов Ф.М. Народная лирическая поэзия последнего столетия // Частушка / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1990. 356 с. (Б-ка русского фольклора; Т. 9). С. 5–28.
2. Лазутин С.Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы: учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература». М.: Высшая школа, 1990. 240 с.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-23 / Гл. ред. Ф.П. Филин. Ред. Ф.П. Сороколетов. М.-Л., Л.: Наука, 1965-1987. Вып. 24-26 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, 1989-1991. Вып. 27-41 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1992-2007.
5. Климкова Л.А. Нижегородская частушка в региональной языковой картине мира // Карповские чтения: сб. статей. Вып. 4 / отв. ред. С.Н. Пяткин; АГПИ им. А.П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 78–87.
6. Нижегородская частушка: сильные текстовые позиции // Приволжский научный вестник. Арзамасские филологические чтения. 2013. № 8(24). Т. 2. С. 28–37.

CHASTUSHKA OF NIZHNY NOVGOROD REGION: A LEXICAL ASPECT

L.A. Klimkova

Chastushka of the Nizhny Novgorod Region (Oka – Volga – Sura interfluve) is the focus of the author's research, lexical peculiarities being the key issue of the paper. Special attention is paid to words with historical background and cultural significance which are found in the peripheral layers of the lexical system.

Keywords: chastushka, historicisms, diminutives, connotation, social and ethno-cultural semantics, dialect lexical layer.